

Пару лет назад он был страшно модный. Сегодня стал явлением культуры, которому понятие "модный" не к лицу. Кажется, что его везде много: в театре, в книжных и музыкальных магазинах, на телевидении. Но опять же оказывается, что первое впечатление обманчиво. Почему — Гришковец рассказал сам корр. "МК" в интервью. И корр. "МК" пришлось с ним согласиться.

— Иногда складывается впечатление, что вы стремитесь успеть везде...

— Это не оттого, что я хочу успеть. Смотрите: в 1998 году был сделан мой первый спектакль "Как я съел собаку". Затем "Одновременно", "Планета", "Дредноуты" и сейчас "По По". Пять спектаклей за семь лет. У меня вышло три книги, два альбома с "Бигуди", и я сыграл три маленькие роли в фильмах. С точки зрения тех людей, которые делают три спектакля в год, я — бездельник.

— Вы не боитесь за вашими бесконечными переездами — то вы на книжной ярмарке, то на гастролях — упустить простые семейные радости?

— Боюсь... Если ты не видел, как твоему сыну исполнился год, то ты этого уже и не увидишь. С этим нужно пытаться справиться, но это возможно только тогда, когда появляются серьезные причины. Первую свою книгу "Рубашка" я написал только два года назад.

Евгений ГРИШКОВЕЦ:

Я

От меня это потребовало три месяца кропотливого и повседневного труда в идеальных условиях, то есть дома. Найти эти месяцы нельзя, их надо было сформировать, то есть уплотнить график настолько, что они освободятся. Я это сделал. Так что теперь у меня есть и силы, и возможность проводить время дома: три летних и три зимних месяца. А если б не литература, я вряд ли нашел бы силы. Это серьезная профессиональная причина.

— А ваш эпизод "В круге первом", где ваш герой теряется в суете, — вы не свои страхи сыграли?

— Нет. Там же писатель — не случайный человек, это Константин Симонов. В романе ему 38 — столько же, сколько и мне было тогда. Он уже к этому времени пять раз удостоился Сталинской премии. Это серьезное дело, таких наград у меня нет. Это 50 тысяч тех рублей, 7 тысяч тогда стоил автомобиль "Победа". Солженицын пишет о нем весьма пренебрежительно. И по книжке сам герой почти не говорил, но в результате авторских ремарок мы с Глебом Панфиловым составили монолог. Я очень хорошо знаю тот момент, когда от юношеского, вальяжного и романтического отношения с поэзией ты переходишь на профессиональное поле, и потом еще на тебя падают какие-то блага. Но это не моя история, у

БЕЗ-ДЕЛЬНИК

меня не было того опыта, который был у Симонова, я в молодости не был писателем. Профессионально я стал заниматься искусством после тридцати. Мне очень хотелось в этом монологе защитить писателя Симонова от писателя Солженицына. И, кажется, мне это удалось. Во всяком случае, он там точно живой. И там я, кстати, первый раз в жизни пою. Певцов начинает петь "От Москвы до Бреста", и я подхватываю. Я никогда в жизни не пел, а нужно было петь в кадре. Благо у Дмитрия сильный голос, и он перекрывает мой.

— Вы когда-то сказали, что не будете давать интервью глянцевым журналам, потому что не хотите, чтобы вас читали в салоне красоты между маникюром и педикюром...

— Я мог так сказать, когда среди моих зрителей не было женщин, которые читают гляцевые журналы. Когда они появились, отмахиваться я уже не могу, потому что это те самые зрители, которые покупают билеты на мои спектакли. И таких интервью я давал немного и всегда сам выбирал тему.

— То есть, когда из числа ваших зрителей уйдут читатели "МК", например, вы не будете давать нам интервью?

— Я не читаю ни гляцевые журналы, ни газеты. Совсем никакие. Я читаю газеты только в самолете, где пролистываю страницы "Культура" и "Книжное обозрение", потому что знаю, о чем там идет речь. А первые страницы не читаю вовсе. Телевизор я смотрю, новости черпаю оттуда.

— А вы согласны с теми, кто говорит, что современное телевидение — это чудовищно?

— В телевизоре очень много чудовищного. Капитуально чудовищного. Иногда не могу оторваться от чудовищной передачи именно потому, что она чудовищна. Где же предел чудовищного? А предел не наступает, и это интересное зрелище. Потом оторвался, пошел в туалет, и уже не подключаешься к телевизору. Но вот на канале "Культура" есть программа Разумовского, которую я смотрю всегда. Он так рассказывает, что даже не важно о чем.

— Вы в своих интервью часто употребляете имя Евгения Петросяна. К чему обращать внимание на этот феномен?

— А я скажу к чему. Я очень сильно сомневаюсь — я даже уверен, что Константину Эрнсту не может нравиться Петросян. И при этом он полагает, что знает, что нужно людям. И в огромном количестве выплескивает на экран. Это политика. Это чудовищно. И именно поэтому я считаю, что об этом имеет смысл говорить. Потому что те люди, которые делают такое телевидение, смотрят совершенно другое кино,

друг другу рассказывают совершенно другие шутки. Они создают продукт для людей, которых они, получается, не уважают и не любят. Я не закрытый человек, я 32 года прожил в Кемерове, сейчас живу в Калининграде, я много езжу по провинции, не разорвав связей с друзьями, одноклассниками, родственниками, и у меня нет знакомых, которым нравился бы Петросян. Из этого я делаю вывод, что он какое-то инопланетное существо. И что это такое? Чье-то волевое решение? Для чего? Есть какая-то задача куда-то вести страну? Куда? Или он полагает, что тем самым людей успокаивает? Почему? Но, если они один канал, значит, они одно существо. Я не религиозный человек, но это очень серьезный грех.

— У вас в следующем году будет юбилей...

— А, сорок лет, да. В этом году.

— Вы же 67-го года, а этот 2006-й...

На сцене.

— Да. Правильно, в следующем. Просто у меня в начале года день рождения, поэтому путаюсь.

— А вы подводите итоги?

— Не-а.

— Но вы чувствуете, что накопили определенный груз недостатков, от которых уже нет сил избавиться?

— Я не накопил недостатков, я с ними более-менее разобрался. Но про достоинства я тоже знаю и иногда этим пользуюсь. А собирать себя, подводя некий итог, не получается. Дело в том, что в искусстве подведение итогов — это, допустим, написание книги. И так же со спектаклями. Это всегда подведение итогов и точка на какой-то момент времени. А дальше я продолжаю жить. А в жизни как частный человек я даже близко не готов к тому, чтобы подводить итоги.

— И когда?

— Это как в "Солярисе" у Тарковского. Один герой говорит: "Об этом можно говорить только в конце жизни". А другой: "А как же мы узнаем, когда наступит этот конец? Вот мы и торопимся".

— А вы не торопитесь?

— С этим нет. Есть люди из критиков, которые каждый год торопливо это делают за меня и каждый раз выражают опасливые ироничные сомнения: дескать, посмотрим, что он будет делать дальше.

— В вас они сомнения не вселяют?

— Нет, я же очень уверенный в себе парень. Не в житейском плане, а в том, что делаю. Потому что, как мы уже выяснили, я делаю очень немного, а то, что я делаю, над этим я очень долго и тщательно работаю. Соответственно, я лучше всех в мире знаю то, что я сделал.

Мария ДАВТЯН.

С женой.

МИХАИЛ ГОТТЕРМАН